

На некоторое время за их столиком в кафе стало тихо и безмолвно.

Линь Синчжи отпил глоток остывшего и ставшего более горьким кофе и сказал:

— Я не хотел, чтобы ты чувствовал себя плохо, но ты сам спросил.

Гу Юань молча смотрел на Линь Синчжи, как и тогда, когда он был за границей, отвергал всех, изолировался, замыкался в себе, Гу Юань был тихим спутником рядом с ним, согревал ему чашку молока или тепло обнимал. Такого Линь Синчжи еще не испытывал, он не знал, что родители не обнимали его, когда он родился, за ним ухаживала няня, сколько он себя помнил, но она тоже не смела его обнимать, потому что дедушка ей не позволял ей этого, говоря, что он не мог допустить, чтобы он стал капризным и от кого то зависимым.

Но Линь Синчжи помнит, что дедушка обнимал Линь Юэцзе, гладил его по голове, хвалил, и ему даже не нужно было, чтобы Линь Юэцзе многому научился.

Но, как уже говорил Линь Синчжи, он всегда хорошо помнил, что, когда он болел, дед день и ночь сидел у его постели, держал его за руку и уговаривал, что он скоро поправится, и что у него больше ничего не будет болеть.

Он также помнит, что иногда видел маму, она держала его за руку и говорила, что он стал выше, покупала ему много одежды и присылала ее, а единственной книжкой со сказками, которая была у Линь Синчжи, была та, которую подарила ему мама, но, к сожалению, дедушка вскоре ее убрал, и после этого мама больше никогда не присылала ему ни одной книжки или чего-то подобного.

Он также помнит конфеты и шоколад, которые давал ему отец и которые дед не разрешал ему есть.

Линь Синчжи посмотрел на Гу Юаня и сказал с улыбкой:

— Нет никакой обиды.

Это правда, и Линь Синчжи тщательно продумал свой ответ, когда-то он тоже задавал себе этот вопрос, будет ли он обижаться на уход Гу Юаня? Нет, ведь у каждого свой путь и своя мечта, если Гу Юань потеряет свое упорство и самолюбие, то это уже не будет тот Гу Юань, который его спас.

Линь Синчжи серьезно сказал:

— Потому что это другое. Вскоре после моего рождения, когда я еще ничего не понимал, дедушка забрал меня от родителей и заставлял многому учиться. Никто не спрашивал меня, хочу ли я этого, в глазах других я был счастливым, который не понимал, как ему повезло. Я

помню что когда мне было четыре года, мой отец, завидуя тому, что меня ценит мой дед, поднял шум о том, что это он настоящий сын моего деда, почему мой дед предпочитает учить внука, а не его? Тогда я находил это довольно смешным. Когда я учился в старшей школе, мой дедушка отправил меня за границу, сказав, что хочет научить меня быть независимым. Он даже не спрашивал моего мнения, он принял решение, и мне просто нужно было следовать по пути, который он мне уготовил.

Когда Линь Синчжи говорил, на его лице не было ни обиды, ни ненависти, как будто он уже давно со всем смирился или рассказывал Гу Юаню о ком-то другом:

— Но ты другой, ты сказал мне, что пойдешь за своей мечтой, пойдешь и исполнишь свою мечту с человеком, который тебе нравятся, ты сам выбрал свой путь, ты не такой, как я, так что я не обижаюсь.

Линь Синчжи всегда нравились глаза Гу Юаня, в них не было ни зависти, ни сочувствия, ничего из того, что Линь Синчжи ненавидел и не хотел видеть:

— Мне не нравится, когда кто-то решает мой путь и мое будущее, и я не буду вмешиваться в чужие пути и будущее, ты переживаешь, что я чувствую себя брошенным тобой, и поэтому обижаюсь на тебя?

Гу Юань кивнул.

Линь Синчжи сказал без каких-либо колебаний:

— Нет, в то время я даже не знал, что ты мне нравишься, ты был хорошим человеком, который помогал мне, неужели только из-за твоей доброты я должен чувствовать, что ты — это что-то, что мне принадлежит? Такого не бывает.

Линь Синчжи знал когда нужно быть благодарным, а когда ненавидеть, он не стал бы ничего делать без причины.

Линь Синчжи немного смягчил голос, сказав:

— Потому что я хочу быть хорошим человеком, соблюдающим закон.

Гу Юань не мог сказать, что он чувствовал в своем сердце.

Линь Синчжи продолжил:

— Что касается того, почему я стал таким сейчас, то, если ты хочешь что-то получить, всегда приходится что-то жертвовать, что-то менять, я не могу позволить себе жить в обиде на

прошлое, неважно, нравится оно мне или не нравится, вынужденно это было или добровольно, мой опыт уже не изменится, и дорога пройденная мной — тоже неизменная, я открыто принимаю это и использую для достижения своей цели, я не могу изменить пройденный путь, но, постигнув его в достаточной мере, я смогу решить, каким путем мне идти в будущем.

Гу Юань, казалось, никогда раньше не видел такого Линь Синчжи, выражение его лица было спокойным, тон — мягким, но в словах, которые он произносил, чувствовалась резкость.

Линь Синчжи не хотел рассказывать все так быстро, но сейчас, когда представилась редкая возможность, он воспользовался шансом:

— На самом деле, только после того, как я не смог связаться с братом Юанем, я по-настоящему понял свои чувства, но что я мог сделать в то время? Вернуться в свою страну и вопреки всему признаться тебе? Боюсь, что это не только напугает тебя, но и оттолкнет.

Гу Юань подумал об этом и понял, что это действительно так, как сказал Линь Синчжи: в то время он определенно откажет и оттолкнет Линь Синчжи.

Линь Синчжи много об этом думал:

— А потом, когда дедушка узнает об этом, он может заставить меня оставаться за границей еще долго, а потом может попытаться напасть на тебя. В то время я даже не мог владеть своей собственной жизнью, близость с тобой принесла бы только неприятности.

Гу Юань не ожидал, что Линь Синчжи будет так много думать и даже иметь такие зрелые идеи.

Линь Синчжи продолжил:

— Благодаря образованию, которое мой дед позволил мне получить с детства, я скопил достаточно капитала, чтобы окончить университет раньше и вернуться в Китай. В то время у тебя дела шли не очень хорошо, но я ничего не мог сделать, я даже не осмеливался позволить деду заметить, что ты для меня особенный, я мог только тайком собирать записи некоторых программ, в которых ты участвовал, и работ, в которых ты снимался, чтобы посмотреть на них. Только когда я захватил группу Линь и начал сам принимать решения о своей собственной жизни, только тогда я начал проникать в кино- и телеиндустрию... На самом деле, я не обманывал тебя, я не хотел встречаться с тобой так рано.

Гу Юань сказал:

— Я верю.

Линь Синчжи иногда жалеет, что у него нет того безрассудства и стремления к любви, которые

есть у подростка:

— Я бы хотел сказать, что вложил деньги в сериал режиссера Яо ради тебя, но я не могу тебе вернуть, я вложил деньги, посчитав прибыль от этих инвестиций, и мне нужны эти деньги, как я тебе уже говорил, даже если режиссер Яо не выберет тебя, я продолжу вкладывать деньги, я буду их вкладывать, увидев любую хорошую возможность. Но я буду просить просмотреть эти ролики с твоим прослушиванием любого режиссера, с которым буду работать.

Горло Гу Юаня перехватило, на самом деле эти слова не были трогательными, некоторые люди даже подумали бы, что Линь Синчжи слишком серьезно относится к деньгам, но Гу Юань чувствовал себя спокойно, у него не было большого бремени, на душе было очень тепло:

— Я очень благодарен тебе, того, что ты сделал, уже достаточно.

Линь Синчжи на мгновение замялся, но сказал:

— Я не могу любить кого-то чисто и отчаянно, отдавая, и не прося ничего взамен.

Гу Юань покачал головой:

— Это не так, ты уже достаточно сделал, ты мне сильно помог. К тому же если ты влюблен, это не значит, что нужно делать что-то еще, чувства бывают разными, это не значит, что они не чистые. Независимо от того, кто платит, все хотят быть вознаграждены, я такой же.

Для Гу Юаня неприемлемым в отношениях был обман, а разве желание поменять деньги и ресурсы на любимого человека — это высокие чувства? Каждый по-своему относился к чувствам, были и такие, как он сам, и такие, как Линь Синчжи, и такие, как Инь Бай.

Гу Юань не отрицал, что такая безрассудная привязанность была трогательной, но ему также нравилось тепло и безопасность, которые дарил Линь Синчжи.

Линь Синчжи не стал продолжать говорить на эту тему, но сказал:

— Я понес несколько потерь за границей. Мой бизнес рухнул, мои партнеры обманули, и произошло много неприятных вещей. Но я также встретил полезных друзей и братьев-единомышленников, а затем, сам того не зная, я стал таким, как сейчас, и после возвращения в Китай было много людей, которые улыбались мне в лицо, но скрывали свои секреты. В конце концов, мой дедушка устроил меня на должность вице-президента, как только я вернулся, и многие люди не смогли с этим смириться.

Гу Юань обеспокоенно спросил:

— Они подставили тебе подножку?

Линь Синчжи хотел пожаловаться, чтобы еще больше разжалобить Гу Юаня, но не сдержал улыбки, не похожей на ту, что была у него при встрече с другими людьми, немного гордой и немного злой:

— Они стары и консервативны, средства, которые они использовали, были слишком жалкими, некоторые из них были отправлены мной в тюрьму, некоторые из них были отправлены мной домой на пенсию... остался последний из них, который готов взять на себя инициативу и уйти из компании по собственному желанию в ближайшие пару дней.

Гу Юань: ...

Это отличалось от того, что он ожидал. Говорили, что сильный дракон не может подавить местных змей, он думал, что Линь Синчжи, по крайней мере, будет бороться с ними еще несколько лет, но, слушая слова Линь Синчжи, казалось, что он прямо отнял у других рабочие места, а потом подмял всю территорию под себя?

Линь Синчжи заверил:

— Конечно, я очень серьезно отношусь к тому, чтобы быть законопослушным хорошим человеком, в конце концов, я же обещал тебе это, я не использовал никаких подлых приемов.

В крайнем случае, он собирал доказательства супружеской измены, чтобы отправить их женам своих врагов. Он также собирал доказательства нарушений закона их родственниками и друзьями и отправлял их в полицейский участок. Но об этом Линь Синчжи решил промолчать.

Гу Юань улыбнулся, услышав это:

— Я никогда не сомневался в тебе.

На лице Линь Синчжи было редкое воодушевленное выражение, эти слова тронули его сердце больше, чем любая похвала, которую он когда-либо слышал.

Гу Юань сделал паузу и сказал:

— Мы с Инь Баем были одноклассниками, даже когда я уехал из страны, мы не разрывали связь, потом он признался мне в любви, я тогда тоже проникся к нему симпатией, когда находишься в чужой стране, иметь такого человека, который будет заботиться о тебе, даже если это просто забота на словах, тоже очень приятно.

Линь Синчжи не ожидал, что Гу Юань захочет рассказать ему это, поэтому слушал очень

внимательно.

Гу Юань продолжил:

— Я хочу стать звездой, хочу, чтобы меня видели многие люди, хочу играть разные роли, поэтому я решил вернуться в Китай. Я и Инь Бай вместе участвовали в кастинг-шоу, желая дебютировать, я вернулся в Китай и сразу же прошел первый тур отбора, затем был еще один тур, после которого я попал на закрытое кастинг-шоу. Тогда было не время говорить о чувствах, у нас двоих просто нет возможности общаться, не говоря уже о том, что мы также должны избегать подозрений.

Линь Синчжи сказал, как будто невзначай:

— Он признался, когда у него не было возможности контролировать свою жизнь, и даже потом он запутался еще больше, это действительно слишком, я бы никогда так не поступил.

По какой-то причине Гу Юань почувствовала, что кофе перед ним заменили чаем, не говоря уже о его личном разочаровании, аромат чая, донесшийся до его лица, не позволял открыть глаза.

Гу Юань взглянул на Линь Синчжи и продолжил:

— Потом мы последовательно выбыли из шоу, хоть и появилась компания, которая хочет подписать со мной контракт, но условия были не очень хорошие, так что я не подписал, и стал петь в барах, и подрабатывать эпизодическими ролями. Когда люди борются за выживание и тяжело работают ради своей мечты, чувства — это еще большая роскошь.

<http://bllate.org/book/14862/1322478>